

Медведев — 1992 — окт. 1992 — с. 10.

— Светлана Борисовна, как вы открыли для себя Вивальди?

— Есть связь времен. Поэтому, когда кто-то начинает рассказывать, что он что-то открыл, это некое преувеличение. Мы все откуда-то приходим. Мы все — воплощение того, что перед нами было. У меня ощущение, что я этого человека — Вивальди — очень хорошо видела, слышала. Я вообще мыслю образами. И во мне живет картинка — вижу, как он идет в определенном месте, в определенном одеянии.

С именем Вивальди связаны приюты или консерватории, где воспитывали одних девочек. Их содержали на государственной основе. В Венеции, при церкви

Это всегда изумляет. Миниатюрная женщина во главе коллектива. Но в миниатюре подчас такая сила заключена, такая энергия, что вот выходит она на сцену — и за одну ее улыбку, кажется, можно жизнь отдать, только бы она жила на лице, которое вызывает обожание и трепет. Непостижима эта женщина — Светлана Борисовна Безродная, художественный руководитель и дирижер «Вивальди-оркестра»... Во главу коллектива женщину бросают разные причины. Возможно, неутоленное личной жизнью желание заявить о себе, утвердиться в глазах того, порой единственного, кто мало верит в это утверждение. Сильная женщина так активно принимается обживать новое место, новых людей, что добивается успеха быстрее мужчины в той же роли — слишком болезненна потребность не стать забытой, отброшенной жизнью. Впрочем, это всего лишь попытка заглянуть в потаенное. И, наверное, миниатюрная женщина уходит в коллектив не только для того, чтобы не быть одной...

Сан-Пиета, был приют, где долгое время жил Вивальди. Все основные сочинения он создал там, и они звучали в исполнении женского коллектива. Поэтому я решила, что мой оркестр должен быть девичий.

— У скрипки ведь женский образ...

— Вообще музыка — она. Тут очень много совпадений, которым я придаю, может, даже слишком большое значение. Для меня символы укладываются в совпадения, которые очень меня интригуют.

— Человек интуитивно выбирает себе инструмент?

— Вы же знаете, выбирают родители.

— И потом происходит срастание или, наоборот, отторжение навсегда. А у вас как было?

— Я не отличалась фанатизмом в детстве. С немалым удовольствием играла на рояле. В ЦМШ фортепиано обязательно для струнников.

Со скрипкой у меня вообще довольно

странные отношения. Был большой перерыв игры. Я только преподавала в ЦМШ и не затрагивалась до инструмента. А потом взяла в руки и обнаружила, ничто не потерялось: ни растяжка, ни гибкость пальцев — я даже лучше себя почувствовала на сцене. Хотя так не бывает —

заставьте балерину, которая долго не танцевала, не разминалась, сделать шпагат...

— Создание оркестра было для вас шагом на ступеньку выше?

— Это был другой шаг. Разумеется, выше. До этого я создала свою систему обучения, которая принесла мне международную известность. Система себя оправдала: учащиеся школы, 14—16-летние, получали премии на различных конкурсах. И я не могу пожаловаться на забвение. Но оркестр — это уже другое, карьера. Брожение ума происходило в 1988 году. И в апреле 1989 года мы стали оркестром Министерства культуры СССР. А в октябре 1989 года даже отправились в Гамбург — на традиционный женский фестиваль искусств. Там началась карьера.

— Вы фантастически быстро стали известным коллективом.

— Может быть, сам Бог велел, чтобы случился тот огромный перерыв, когда я не затрагивалась до инструмента, чтобы, создав систему обучения, я применила ее к себе, восстанавливаясь после перерыва, а потом — к оркестру. Я просто дока-

ОДНОЙ ЛЮБВИ МУЗЫКА УСТУПАЕТ

зала, что возможен очень короткий путь — не к совершенству, но к высокому профессионализму. Таким образом, мы действительно быстро завоевали успех, хотя завоевать не значит остаться. Надо каждый день завоевывать.

— Дирижер по своей роли — диктатор?

— Управлять движением, жизнью коллектива, безусловно, кто-то должен. В то же время у меня не совсем обычная роль дирижера. Это опять же от образа Вивальди и от той эпохи — дирижер стоял с инструментом лицом к публике. Со временем инструмент был положен, и дирижер повернулся спиной к залу. Я сохраняю образ барокко. Это сильно влияет на игру на сцене, а на репетиции — просто необходимый момент, потому что оркестрант дирижера в душе не всегда уважает...

— Человек не любит насилия над собой и насильника...

— Это естественно. Но когда ты владеешь инструментом, то можешь не просто словами указать, как надо играть, а сам показать. И в работе это объединяет.

— Когда я увидела ваш оркестр впервые, мне пришла в голову ассоциация с монастырем: вы казались наставницей среди послушниц. И по костюмам, и по атмосфере. Мне стало интересно, как вы в жизни общаетесь с музыкантами. Вы вникаете в их внутренний мир, в их быт?

— Обязательно. Есть люди, которые любят внешне показать свою заботу... Это, наверное, один из моих недостатков: я часто многого не говорю — того, что человеку хочется слышать. Безусловно, я знаю о каждой, что с нею происходит. Однако это не значит, что буду на оркестре демонстрировать свое внимание — подобное не в моем характере. Но я должна интересоваться, кто как себя чувствует, какие проблемы. Тем более в нашей чудовищной жизни, когда искусство поставлено на колени, загнано в угол. Я понимаю, что нельзя отдать все деньги на культуру, но наши политики и бизнесмены забывают простую вещь — за всей этой кутерьмой мы можем опуститься на четвереньки.

Я поглощена вещами, которые безумно мешают творчеству. Каждый день хожу в поисках денег, чтобы мало-мальски поддерживать хоть какой-то уровень жизни. Мы с апреля не получаем зарплату. Рухнул Союз, рухнуло министерство, и дотации закончились. Перешли в Россию — там дотация нулевая. Сейчас, казалось бы,

у нас благоприятная ситуация — мы при правительстве Москвы, оркестр — юридическое лицо. Но свобода тоже с неудобствами. Дотаций нет — пока все только оформляется. Чтобы гоняться за спонсорами — это надо отдельную специальность иметь.

Помимо оркестра, в моих мозгах существует Дом Вивальди: с курсами стажировки музыкантов, с детскими классами, с мастерской по изготовлению инструментов... Это будет венец всего, что должно произойти в моей жизни.

— По-моему, это такая неподъемная глыба в наше время...

— Я всегда берусь за что-то совершенно неподъемное. Но надо брать именно за невозможное. Я давно заметила: когда берешься за очень простое, оно не получается. А нереальная, казалось бы, вещь удаётся.

— Ваша активность вызывает смутное ощущение, будто вы от чего-то убегаете, прячетесь?

— Нет, я как раз не прячусь, совсем не прячусь. Мне просто все очень интересно. Есть люди-созерцатели. А мне хочется услышать или увидеть то, о чем я мечтаю.

— Поскольку этого никто не делает, вам приходится делать самой?

— Безусловно.

— У вас бывают минуты, когда вам хочется освободиться от музыки? Когда она вас угнетает?

— Нет. Иногда бывают минуты полного отчаяния, когда я знаю, что мне нужно сделать то-то и то-то, но это, опять же, чисто экономические вопросы, которые меня доводят до состояния шока. А ведь все проходит — катаклизмы, партии, политические страсти... Культура же вечна. Мы забыли, кто кого сжег в эпоху инквизиции, но в памяти живы Вивальди и Жан Жак Руссо, его друг, который, приезжая к нему, изумлялся потрясающей слаженности женского оркестра, а сам Вивальди бежал и спасал своих учениц от инквизиции. То же самое получается с нами. Запомнят, я верю, что существовал такой женский образ оркестра.

— Вы тоже существуете в эпоху инквизиции...

— Наверное.

— Музыкальные произведения для исполнения вы отбираете по своему вкусу?

— Бывает, что возникает желание включить в программу именно это произведение. Кажется, если я его не сыграю, то просто умру. Так было с «Сюитой в старинном стиле» Грига и «Серенадой для струнных» Дворжана. Два сочинения предельной трудности. Так было с Чайковским...

У меня тоже в оркестре был своего рода пучок во время того, политического. Поднялись девы и отправились на заработки за границу, в общем, разбредлись, правда, по-моему, ничего сверхъестественного не обрели. Я набрала состав заново. И с этим составом пустилась в новые сочинения. Чайковского мы разучили за две недели. Это ненормально. Но для меня это воплощение музыки Петра Ильича, пожалуй, было наиболее ярким. Так случается. Произведения как бы сами приходят.

— Светлана Борисовна, вы умеете кричать на людей?

— Не умею. Это моя ошибка. Потому что нужно. Иногда. Знаете, можно ведь крикнуть и тихо.

— Можно даже взглядом убить.

— Взглядом — это у меня может получиться. Но я не могу злиться. Разве что дико расстроиться. Но опять же ненадолго. Не то что я порхаю и мне всегда весело, но не люблю ходить в депрессивном состоянии, погружаться в печаль.

— Вам снятся сны?

— Обязательно. Часто — цветные... Во мне всегда есть ощущение какой-то опасности...

— У вас наверняка хорошо развита интуиция?

— Да, она вообще для музыканта необходима. Это своего рода выход в космос.

— Вы себя анализируете?

— Я собой постоянно недовольна, что мне очень мешает. Знаю, что это ненужно. То есть нужно, но не считаю это своей большой доблестью. Часто вижу со стороны себя и себе не нравлюсь... Не на сцене, там я слишком погружена в игру. Но не было случая, чтобы мне понравились мои фото или телестемка, расстраиваюсь и думаю: какая я нахалка — вообще себя лучше, чем есть на самом деле.

— У вас на сцене даже спина актера — и очень сильный импульс посылают в зал.

— Я не знала. Это не специально.

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА.